НЕФТЯНОЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

НЕФТЯНОЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Lala Jumayeva*

США одни из первых разработали национальную стратегию в сфере энергетики. Современная энергетическая доктрина США ставит своей целью определение их долгосрочной энергетической стратегии. США выделяют такие угрозы в сфере энергетики как энергетическая зависимость от иностранных государств; нарушение баланса между спросом и предложением на энергоресурсы, приводящие к энергетическим ресурсам внутри страны; чрезмерное повышение цен на энергоресурсы, отрицательно влияющие на экономику.

Общее разделение стран на две группы – импортеров и экспортеров нефти – сформировало основания для особой взаимозависимости между ними, что часто определяет глобальное экономическое и политическое развитие.

США относятся к числу государств, представленных одновременно в двух группах. В начале нефтяной эры XIX века США входили в тройку государств, использовавших собственные нефтересурсы (США, Россия и Румыния). Тем не менее, интенсивный путь экономического развития диктовал довольно высокие требования к энергетической области. С начала преобразования в страну-импортера (середина 70-х годов) Соединенные Штаты Америки были вынуждены признать собственную экономическую зависимость от нефтяного фактора и направить свои действия на увеличение доступа к дешевому сырью из других регионов мира.

Перенос коммерческого акцента из Карибского бассейна в Персидский залив окончательно определил включение нефтяной проблематики в сферу международной политики. С того момента географический фактор демонстрировал ограниченность вмешательства американского своеволия и в мировую экономику, и в мировую политику. Создание ОПЕК, эмбарго и ограничение добычи во время арабо-израильской

войны – лишь первые выпады арабского мира против глобальной политической гегемонии США, которые были возможны благодаря одному природному ресурсу – нефти. Впервые американцы ощутили себя экономически уязвленными, поскольку низкий уровень снабжения поколебал веру в бесконечность благосостояния американского общества. Результаты использования нефтяного инструментария оказались более чем эффективными. Были изменены как мировая нефтяная политика и отношения производитель-потребитель в глобальной экономической системе, так и геополитическая реальность в международно-политической среде. Казалось, США признали «нефтяное право» стран-экспортеров.

После вторжения иракской армии в Кувейт и изменения международной обстановки Белый дом ощутил почти тотальную зависимость от неподконтрольных ему энергоносителей, а американский рынок – угрозу «резерву безопасности», так как разница между спросом и производственными мощностями падала в условиях деструктивного действия политического фактора – международного конфликта. Нефтяная отрасль превратилась в источник потенциальной угрозы национальной экономики, а затем и национальной безопасности США.

Тесные связи американской политической элиты с нефтяными компаниями и правительствами работают на недопущение серьезного дефицита нефти. Ясно, что нынешняя администрация Белого Дома не только сделала выводы из исторических уроков, но и смогла четко сформулировать программу реализации ключевой задачи нефтяной политики самого государства – контроль над энергетическими ресурсами планеты, исключение и предотвращение энергетической зависимости от политически нестабильных режимов и правительств, угрожающих государственным интересам. Первичной стратегической геоэкономической целью определена победа в мировом перераспределении в нефтяной сфере, геополитической – обеспечение американского политического доминирования в мировой системе международных отношений на основании контроля за ресурсами.

Если обратить внимание на новейшие схемы размещения сухопутных войск, флота, морской пехоты и Воздушных Сил США, то легко заметить, что они явным образом направлены на решение такой задачи – как защита ключевого компонента национальной безопасности нации. Этим компонентом считаются энергетические ресурсы.

Пентагон динамизирует армию через ротацию войск на базах, размещенных по всему миру. Особая роль отведена «дуге нестабильности»: Карибский круг – Африка – Кавказ – Ближний Восток – Центральная Азия – Северная Корея – Южная Азия. Именно география расположения войск США демонстрирует двойственность задач Пентагона и биполярность методов внешнеполитического действия Белого Дома в глобальной среде. Это позволяет США контролировать «исламский фактор» Средней Азии и стратегически важного нефтяного региона Каспия, способного предложить миллионы баррелей нефти американскому рынку и Западной Европе. Базы в Афганистане, Катаре, Саудовской Аравии и Омане гарантируют долгосрочное присутствие в Персидском заливе, обладающем наибольшими месторождениями нефти. Соглашения с Нигерией и странами Западной Африки устанавливают американский контроль над нефтяным регионом – Гвинейским заливом.

Реально же факты таковы: за счет импорта нефти США покрывают 50% своих потребностей в ней, а к 2025 году этот показатель дотянется до 70%. Затраты на него достигли в 2006 году $129 млрд. без добавления стоимости военного вмешательства в зоне Персидского залива.

Добыча нефти в США упала на 20% с 1965 года, тогда как потребление возросло на 25%. Как результат, страна импортирует более 10 млн. баррелей нефти в день. Тем не менее, в значительной мере такая динамика обусловлена стандартами, введенными правительством в энергетической сфере, консервацией ряда мощных и неиспользованных перспективных месторождений.

Консервация американцами значительных потенциальных нефтересурсов в данный

период вполне логична с позиций обеспечения нефтью страны в будущем, когда возможности других регионов мира начнут уменьшаться. Например, если до 2025 года будут открыты мощности американского Arctic National Wildlife Refuge, то импорт нефти составит 64% от американских потребностей вместо 70%.

Вступая в борьбу за контроль над энергетическими рынками, втягивая себя в «нефтяные войны», США не просто решают задачи собственной экономической безопасности, но и стараются использовать объективную логику мирового экономического развития для практического упорядочения системы международных отношений наивыгоднейшим для себя образом. …

Уже через полгода после официальной декларации о завершении иракской кампании 2003 года мировой рынок нефти продемонстрировал продолжение довоенных тенденций развития. Находясь в Ираке, американцы стараются построить наиболее безопасную для них систему энергопоставок, где генерализация товарного регулирования в нефтяной области объединена с политической стабильностью. Не секрет, что именно такие перспективы коррелируют с ключевыми стратегическими положениями развития энергетической политики США, базовым положением которой является поиск решения проблемы возрастающей зависимости не через регуляцию спроса, а через рост предложения. В такой ситуации вполне логична интенсификация импорта из других регионов. При этом, если активность американского бизнеса и государственных лидеров в Латинской Америке сохраняет вид традиционной, то пристальное внимание к ресурсам Африки и, особенно, России очерчивает новые горизонты внешней стратегии США.

Интеграция стран Ближнего Востока и их огромного потенциала в мировой нефтяной рынок в политических параметрах, обозначенных Белым Домом, выгодна для лидеров мировой экономики.

Глобальная задача – уменьшение экономической и политической роли ОПЕК. Картель старается контролировать до 40% добычи и 60% – экспорта нефти. Наиболее низкие

операционные затраты на 1 баррель стран Персидского залива (от $0,5 до $2), связанные с большими запасами, дают ОПЕК возможность быстро наращивать свою долю на нефтяных рынках.

Ясно, что задача США относительно дешевой нефти условна. Тем не менее, задача контролируемого энергоресурса кажется более реалистичной. Как главный импортер сырой нефти США безусловно заинтересованы в снижении ее стоимости, но как крупный производитель нефтепродуктов жаждут высоких цен. Американские корпорации имеют серьезные контракты по всему миру, а глобальные масштабы бизнеса обеспечивают им получение высокой прибыли. Силовая политическая поддержка позволяет Вашингтону работать в конфликтных регионах, а это в нефтяном сообществе считается рискованным, поэтому даже огромные ресурсы по низкой цене часто являются недостаточным аргументом для иностранных корпораций, которые учитывают степень политической нестабильности и юридической неопределенности.

Вместе с тем, в Белом Доме не боятся решать задачи энергетической безопасности на внеамериканских пространствах. Энергетическая безопасность стала одним из ключевых направлений внешней политики США со времен президентства Ф.Д.Рузвельта. В 2001 году National Energy Policy, презентованная Диком Чейни, зафиксировала, что «энергетическая безопасность является приоритетом внешней политики».

Другим, кроме Ирака, огромным нефтяным месторождением планеты, которое угрожает, американскому проекту построения мира с адекватной политико-культурной системой, является Иран.

Итак, американская гарантия безопасности в Персидском заливе не будет лишней, но вряд ли сильные арабские государства согласятся утратить суверенитет над национальными ресурсами.

Фактором конкурентности между иностранными компаниями уже сегодня умело пользуется иранское руководство. Причина двойная: желание увеличить производство

и необходимость ограничивать давление американцев в предложениях иностранных инвестиций. Задачи успешно реализуются двумя большими проектами с франко-британским альянсом Total-BP и японским консорциумом.

Силовой внешнеполитический акцент Вашингтона не просто усиливает антиамериканские настроения, но и побуждает нефтяные государства к пересмотру своих отношений с оппонирующими им игроками на рынке мировой энергетики. Прежде всего, речь идет о РФ. США нужны дешевая нефть и безопасные пути снабжения. Россия желает высоких цен на собственную продукцию, расширения продаж на американском континенте и участия в мировом энергетическом перераспределении.

Таким образом, активные действия США в мировой системе вызвали изменения глобального масштаба. Нефтяная политика становится стратегическим измерением не только конкуренции, но и партнерства. Возрастающее внимание Вашингтона к «русскому проекту».

Соглашение об энергетическом партнерстве между США и РФ, подписанное в 2002 году в Хьюстоне, заложило соответствующий юридический фундамент. По прогнозам американской стороны, продажа российской нефти прогрессивно будет возрастать. Россия надеется поставлять в США 2,5 млн. баррелей в день в 2010 году. Нефть Западной Сибири, транспортированная через Мурманск, может удовлетворить 13% спроса американского рынка. Российские компании демонстрируют заинтересованность в расширении поставок с позиций выгодности будущего экспорта. Заинтересованность в «нефтяном диалоге» демонстрирует, прежде всего, руководство России. Во время своего визита в США в сентябре 2005 года В.Путин встретился с руководством трех американских компаний: Exxon/Mobil, ConocoPhillips и Chevron. Практически одновременно «Газпром» сделал достоянием гласности список наиболее возможных партнеров относительно разработки Штокмановского месторождения, в который вошли ConocoPhillips и Chevron. Обозначенные контакты говорят о том, что

процесс восстановления энергетического сотрудничества между Россией и США уже стартовал, как и о том, что в Кремле понимают невозможность реализации больших глобальных проектов без участия иностранных компаний и, прежде всего, американских. Однако насколько реальным будет практическое измерение, зависит от политического фактора более чем от сугубо экономического. Энергетический рынок – это естественная конкурентная среда, поэтому сложность заключается в том, что по логике одного контракта страна выглядит партнером, а другого – конкурентом. Весьма многое зависит от степени совпадения геополитического и геоэкономического спектров интересов, особенно, если речь идет о критически важных вещах. Например, сильное внимание Пентагона приковано к водам Каспия. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан реально могут стать наибольшим нефтяным ареалом после Ближнего Востока. Американцы инвестируют одновременно и в нефтяные, и в газовые проекты еще со времен президентства Б.Клинтона.

Усилия администрации Дж. Буша-мл. направлены на ограничение влияния конкурентов – России, Ирана и Китая. Если в 90-х годах проявлялся некоторый паритет в распределении геополитических и геоэкономических перспектив Кавказа (за Россией – миротворческая деятельность, за США – нефтяная сфера), то в XXI веке оба измерения переплелись в конкуренции. Российские попытки навязать Западу маршрут транскавказского нефтепровода завершились фактическим вытеснением ее американцами и в сфере геополитики. В зоне центрального внимания США находится функционирование нефтепровода «Баку-Джейхан» с мощностью в 1 млн. баррелей в день. Их позиции подкреплены военными базами в Румынии и Болгарии, что гарантирует быструю доставку дополнительных сил.

Однако ключевая потеря России именно геополитическая: каспийская нефть под протекторатом США существенно обессиливает значимость российского государства на пространствах бывшего СССР.

Для стран «нефтяного региона» экономика определяет политику. Для Грузии, Украины

и Молдовы еще более дорогой «подарок» – поддержка Белого Дома в интеграции в евроатлантическое сообщество. Таким образом, среда потенциальных путей энергопоставок становится все более задействованной в нефтяных международных гонках.

Ключевой проблемой Вашингтона остается среднеазиатское измерение нефтяной дипломатии сразу на двух уровнях – региональном и глобальном. Средняя Азия демонстрирует весьма разные модели развития, что делает сомнительным существование этого региона как единого политико-экономического пространства. Основное внимание приковано к позициям Казахстана, наиболее «зажиточного» государства региона и с наиболее высокими темпами экономического роста. Борьба идет за получение наиболее прибыльных контрактов на добычу казахстанской нефти. Кроме того, США заинтересованы в нефтепроводах. ……

С другой стороны, использование Вашингтоном возможностей доминирования в сфере безопасности выглядит неоднозначно. В реальности американские базы в Узбекистане и Кыргызстане значительно менее заметны, чем могли бы быть в решении официальной задачи – борьбы с афганскими талибами. И не столько ради безопасности региона, сколько для занятия стратегических позиций в геопространстве между Южной Азией, Китаем и Россией. Впрочем, все участники энергетического диалога не могут не считаться с мощью Китая – государства, очень долго отсутствовавшего среди влиятельных игроков. РФ и США вынуждены объединяться на уровне глобального мышления и решать задачи недопущения Поднебесной к нефтяным ареалам и сетям энергопоставок. Однако темпы экономического роста побуждают Пекин стучаться во все «нефтяные двери» на Востоке, в Европе и даже в США.

Между Китаем и Казахстаном будет функционировать новый нефтепровод длиной в 1000 км. Добившись большого прогресса с точки зрения геоэкономических позиций, Пекин наращивает свой вес и в геополитическом плане. Беспокоят США и потенциальные альянсы при их участии. Например, Россия – Китай – Иран.

Белый Дом должен реалистически балансировать, так как новые конфликты между главными нефтяными покупателями и поставщиками могут легко дестабилизировать всю мировую экономику, лидером которой единолично остаются Соединенные Штаты Америки. Однако для США «нефтяная игра» китайцев создает нежелательную конкуренцию.

За Китаем следует еще одна возрастающая «опасность» для США – Индия. Вместе с Китаем Индия стремится приобщиться к правам на использование нефтяных месторождений в Африке, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Удар для глобальной экономики очевиден, так как, по оценке Международного энергетического агентства, рост цены на нефть на $1 за баррель приводит к потерям для мировой экономической системы в $25 млрд. Понятно, что это, прежде всего, потери для развивающихся стран. Но дестабилизация рынков не желательна и для лидеров мировой экономики.

Однако ясен и политический подтекст – давление на США с целью ослабления их позиций. Ядерная угроза, альянсы с «преступными режимами», идея оси Россия – Китай – Индия становятся наиболее распространенными аргументами, которые, если и не называются официально, тем не менее, часто звучат в медии. Проблема в том, что Вашингтон никогда не разрешит азиатским гигантам решать собственные экономические проблемы за счет создания системы дешевых нефтепродаж, как и на любое силовое давление, он ответит давлением и экономическим, и политическим, а в случае необходимости, даже военным. Для США будет крайне важно поддерживать энергетический диалог с евразийскими партнерами и развивать общую энергетическую политику с Европой.

Значительные позитивы здесь есть и для партнеров США: быстрая и высококачественная, экологически безопасная разработка ресурсов; поддержка строительства нефтепроводов и диверсифицированных инфраструктур, как следствие – ускорение развития региональной кооперации и выхода новых партнеров на

глобальные рынки, привлечение к альтернативным путям энергопоставок и безопасность экспортных маршрутов. Кроме того, деятельность американских ТНК содействует развитию экономики и активизации инвестиционных потоков. Ясно и то, что Америка все это делает для собственного блага.

Вопреки критике со стороны мирового сообщества Вашингтону все же удается вести вперед мировую экономику под собственным контролем, включая ее нефтяное измерение. Он имеет для этого весь комплекс необходимых возможностей.

* Baku State University. Faculty of International Law and International Relations, Department of “Diplomacy and Contemporary Integration Processes”